

Вернувшись домой, Янь Жань сразу принял душ и устроился за письменным столом.

Утренний стыд от последнего места в списке результатов всё ещё саднил, точно незаживающая рана. И хотя после утешений Сяо Цзичуна боль немного утихла, а внешне Янь Жань казался спокойным, сердце его всё равно ныло, будто его изнутри подтачивали мириады крошечных муравьёв.

Янь Жань когда-то читал книгу о насекомых: некоторые муравьи выделяют яд, способный вызвать шок и даже смерть.

«Неужели и я погибну от этой невидимой хвори? — думал он. — Если не буду стараться, эта тоска сожрёт меня заживо?»

Ощущение провала, вызванное плохими оценками, не только терзало его, но и стало мощным стимулом двигаться вперёд. Весь день на уроках он был предельно сосредоточен. Преподавательский состав в экспериментальном классе считался лучшим в школе, и Янь Жаню казалось, что он всё понимает. Теперь, дома, ему оставалось лишь повторить пройденное и закрепить знания на практике, прорешав задачи.

Мать и бабушка Янь Жаня были учителями, так что с привычками и методами учёбы у него всё было в порядке. Проблема крылась в другом, и он сам это прекрасно сознавал: голова соображала туго.

Сегодня он наблюдал, как Сяо Цзичун готовится к уроку литературы. Тот прочёл все тексты первого раздела, расставил транскрипции над незнакомыми иероглифами, дважды пробежал глазами первую статью и, закрыв книгу, смог пересказать её почти дословно.

С математикой та же история. Пока учитель объяснял тему, Цзичун мельком взглянул на упражнения в конце параграфа и в уме выдал все ответы.

В экспериментальном классе задания из учебника на дом не задавали — для этого существовали специальные сборники повышенной сложности. Но Сяо Цзичун умудрялся справляться с ними на переменах. Он щёлкал их за десять минут, будто это были примеры на сложение в пределах сотни.

Янь Жаню же этих десяти минут не хватало даже на простые упражнения. Ему приходилось постоянно сверяться с определениями и формулами, прокручивать в голове объяснения учителя и несколько раз тренироваться на примерах. И если с простыми вычислениями он ещё справлялся, то понять логику некоторых сложных выводов ему было не под силу.

Сидя за одной партой с Сяо Цзичуном, Янь Жань на собственной шкуре прочувствовал, насколько по-разному устроены у людей мозги. И это было то, что невозможно изменить никаким усердием.

К тому же, сам Цзичун был невероятно трудолюбив.

Раньше, глядя на него издалека, Янь Жань думал, что Сяо Цзичуну всё даётся легко только благодаря природному таланту. Но теперь он видел: тот не пропускал ни слова на уроках, не тратил впустую ни минуты и читал массу дополнительной литературы — книг настолько заумных, что он даже названий их не понимал.

— Зачем ты читаешь столько лишнего? Какой в этом прок? — спросил он как-то раз.

Сяо Цзичун посмотрел на него с таким искренним удивлением, что Янь Жаню до сих пор становилось неловко при одном воспоминании об этом взгляде. По взгляду друга было ясно: «А разве в этом обязательно должен быть прок?». Янь Жань почувствовал себя ужасно меркантильным. Он-то тратил все силы просто на то, чтобы не вылететь из школы, и на «чтение бесполезных книг» у него не оставалось ни времени, ни места в голове.

Заметив, что его взгляд задел Янь Жаня, Сяо Цзичун поспешил объяснить:

— Те знания, что нам дают в школе, — это лишь база, фундамент. Учёные прошлого по крупницам собирали их, пытаясь понять устройство мира. Изучая их труды, мы просто встаём на плечи гигантов, чтобы видеть чуть дальше, понимаешь?

Янь Жань кивнул. Это была цитата, которую он где-то уже слышал.

Сяо Цзичун смотрел на него мягко и сосредоточенно:

— Школьная программа — это лишь крохотный фрагмент мозаики. Если представить истину как огромную, густую сеть, то учебники описывают всего пару-тройку узелков. Читая классику, мы расширяем свой кругозор. Только так можно увидеть контуры всей сети и, быть может, найти те точки, которые до нас никто не замечал. Это и есть способ раздвинуть границы человеческого познания.

Янь Жань смотрел на него в полном замешательстве.

Сяо Цзичун, видимо, понял, что перемудрил, и упростил мысль:

— Я просто хочу лучше понимать, как всё устроено. Зачем я здесь, в чём смысл этого мира... В учебниках ответов на такие вопросы нет.

Янь Жань прильнул к столу, глядя на него снизу вверх.

— О... — только и смог выдавить он.

Он подумал, что у каждого свои загадки. И пусть их горизонты несопоставимы, суть остаётся прежней: и тот, и другой ищут ответы.

Янь Жань открыл сборник задач. Учитель задал десять упражнений. Сяо Цзичун разделался с ними ещё в школе, успев прихватить и те, что не задавали, а он к ним даже не приступал — он едва успел закончить обязательную часть из учебника.

Свет настольной лампы падал на страницы. Прочитав условие первой задачи, Янь Жань похолодел. Ему показалось, что задание вообще не связано с темой параграфа. Он перечитал его трижды, но так и не понял, чего от него хотят.

Весь его боевой настрой мгновенно сменился паникой.

В этот момент в комнату вошла бабушка с молоком и фруктами. Она поставила угощение на стол.

— Ну, мой золотой, перекуси немножко. И молочко выпей, оно полезное.

Янь Жань с досадой посмотрел на бабушку, которая вошла даже не постучав.

— Бабуль, я занимаюсь, — буркнул он, нахмурившись.

— Вижу, вижу, — улыбнулась она. — Какой ты молодец, всё учишься.

— Баб, ну выйди, пожалуйста, — взмолился Янь Жань.

Она кивнула, но не двинулась с места.

— А ну-ка, покажи, что за задачки у тебя?

Янь Жань пододвинул ей тетрадь. Бабушка, страдавшая дальнозоркостью и не надевшая очки, долго всматривалась в текст.

— Ох, ну и мудрёно же сейчас учат... Бабушка-то старая совсем стала, ничегошеньки не смыслю.

«Вот и дала бы мне самому подумать», — пронеслось в голове у Янь Жана, но вслух он ничего не сказал, не желая её обижать.

— Бабуль, иди, а? Мне правда надо сосредоточиться.

— Ну и ладно, заворчал на старуху, — вздохнула она, направляясь к выходу. — Молоко не забудь допить.

Янь Жань отложил математику и принялся за другие предметы. В школе он уже успел кое-что повторить, так что на вечер остались лишь физика, злосчастная математика, английские слова и беглый просмотр тем на завтра.

С английским он справился быстро — этот предмет ему нравился. Разобрался с физикой, полистал учебники на завтра. Осталась только математика. Он ещё раз перечитал теорию, но задачи из сборника по-прежнему казались китайской грамотой, а ответов в конце книги не было. Спросить было не у кого, и, поколебавшись, он вышел в гостиную.

Шёл двенадцатый час. Отец только что вернулся, мать тоже пришла недавно.

Янь Жань с учебником и черновиком в руках замер посреди комнаты. Ли Мэй, сидевшая перед телевизором с маской на лице, обернулась:

— Сынок, ну как дела в школе?

Учительница Хао Янь уже поговорила с ними. Сказала, что результаты у сына неважные, но на него нельзя давить — Янь Жань мальчик послушный, и криком тут ничего не добьёшься, только поддержкой.

— Да нормально, — выдавил он, чувствуя себя крайне неловко.

От Янь Тяньхуа разило алкоголем — видать, знатно погулял. Он подошёл к сыну и, обняв его за плечи, попытался поцеловать. Янь Жань с гримасой отвращения отстранился.

Бабушка и тётушка Ду уже спали — они ложились рано.

Ли Мэй, отчитав подвыпившего мужа, погнала его в душ.

Дождавшись, пока родители закончат перепалку, Янь Жань подошёл к телефону и набрал номер семьи Сяо на шестом этаже. Свой мобильный он сдал родителям перед началом учёбы, о чём, впрочем, не особо жалел.

Трубку взял Папа Сяо.

— Папа Сяо, здравствуйте. Это Янь Жань. Могу я услышать Сяо Цзичуна? — спросил он,

замирая от страха.

— Так поздно? — удивился тот. — Что-то случилось?

Янь Жань замялся, не зная, что ответить. Решив, что дело личное, Сяо Цзинжэнь смягчился:

— Сейчас посмотрю, не спит ли он. Если нет — позову.

Янь Жань ждал, затаив дыхание. Наконец в трубке раздался голос Сяо Цзичуна:

— Янь Жань?

Тот вспыхнул от стыда. Тревога захлестнула его: беспокоить друга в такой час было верхом неприличия, но желание услышать его голос пересилило всё остальное.

— Это я... Слушай, мне помощь нужна.

Цзичун сладко зевнул.

— Какая?

— Я хотел уточнить... Учитель Хао точно задавала задачи из этого сборника? Три на заполнение пропусков, три теста и четыре большие задачи.

Сяо Цзичун задумался.

— Да я и не помню особо. Я всё прорешал, так что на номера внимания не обратил. Может, у кого другого спросишь?

— Да я ни с кем больше не общаюсь, — признался Янь Жань.

Цзичун замолчал. Он знал, что это правда: несмотря на все увещевания учителей не травить отстающих, желающих дружить с Янь Жанем в классе почти не было.

— Давай я позвоню ребятам, узнаю.

— Нет-нет, не надо! — испугался Янь Жань.

— Слушай, — предложил Цзичун, — просто реши всё, что можешь, тогда точно не ошибёшься.

— Да в том и беда, что я вообще ничего не могу! — в отчаянии воскликнул Янь Жань. — Объясни мне хотя бы одну, первую... Дальше я сам, честное слово, по аналогии разберусь.

— Хм...

Сяо Цзичун сидел в тёмной гостиной, глядя на мигающий индикатор телефона. Помолчав пару секунд, он сказал:

— Давай так: поднимайся ко мне. Объясню тебе всё, а потом ляжем спать.

Для Янь Жаня эти слова прозвучали как высшая милость. Схватив книги и тетради, он крикнул родителям, что бежит к соседу за помощью, и вылетел за дверь.

Ли Мэй посмотрела на настенные часы.

— Гляди-ка, на ночь глядя в гости попёрся.

Сяо Цзичун зажёл свет и вышел на лестничную площадку встречать гостя. Папа Сяо, нахмурившись, спросил:

— Что ему понадобилось в такое время?

— Иди спи, пап, — бросил Цзичун через плечо. — Нам нужно кое-что обсудить.

Отец недовольно хмыкнул и ушёл к себе, плотно закрыв дверь.

Янь Жань поднялся на шестой этаж и, увидев друга у порога, расплылся в виноватой, но бесконечно благодарной улыбке.

— Проходи скорее, — пригласил Сяо Цзичун.

Они устроились в его комнате. Цзичун уступил Янь Жаню свой стул, а сам встал рядом.

— Показывай, где застрял.

Янь Жань ткнул в первую задачу.

Сяо Цзичун взял черновик и быстро, уверенным почерком набросал ход решения.

— Вот так.

Янь Жань уставился в тетрадь, но понятнее не стало. Он уже потянулся переписать ответ в сборник, как Цзичун его остановил:

— Ты понял логику?

Янь Жань густо покраснел и промолчал.

— Слушай, — мягко сказал Сяо Цзичун, — если что-то неясно, говори сразу. Прямо пальцем тыкай.

Янь Жань поспешно закивал.

— Когда объясняешь кому-то тему, сам лучше в ней разбираешься. Так что если ты не понимаешь — значит, я плохо объясняю.

— Вот здесь мне непонятно, — признался Янь Жань, немного осмелев.

Цзичун наклонился над столом. Видя, как нервничает друг, он сменил тактику. Вместо того чтобы просто показывать шаги, он начал рассказывать, зачем вообще составитель придумал эту задачу, какую ловушку он спрятал и какие именно знания из учебника здесь нужно скомбинировать. Постепенно туман в голове Янь Жана начал рассеиваться. Он наконец увидел связь между скучной теорией и этими заумными примерами.

— Теперь попробуй сам, — предложил Цзичун. — По тому же алгоритму, просто посчитай. Хорошо?

Янь Жань прилежно принялся за вычисления.

Сяо Цзичун отошёл к книжному шкафу, вытянул какой-то том и, прислонившись к столу, углубился в чтение.

Минут через десять Янь Жань наконец разобрался с первой задачей и, воодушевлённый успехом, решил ещё две похожие. Закончив, он поднял голову и увидел обложку книги в руках друга: «В поисках утраченного времени».

Заметив, что Янь Жань освободился, Цзичун отложил книгу и проверил результаты.

— Всё верно. Есть ещё вопросы?

Янь Жань понимал, что засиделся, и ему пора бы честь знать, но остальные задачи всё ещё казались неприступной крепостью. Он с надеждой посмотрел на друга:

— И вот эти ещё...

Цзичун терпеливо продолжил объяснения. Сложные примеры он дробил на мелкие части, пока Янь Жань не начинал видеть всю цепочку целиком.

Закончив очередной блок, Цзичун снова возвращался к роману, давая другу возможность закрепить материал самостоятельно.

Когда все десять задач были решены, часы показывали глубокую полночь. Янь Жань сильно покраснел — он понимал, сколько времени отнял у Сяо Цзичуна. Он поспешно поднялся со стула, собирая вещи.

Перед уходом он не удержался:

— А что это за книга такая?

— Ты про «В поисках утраченного времени»? — переспросил Цзичун.

Янь Жань кивнул.

— Роман. Пруст. Знаешь, он довольно специфический, много «потока сознания». Тебе вряд ли понравится. Но если хочешь — как дочитаю, дам тебе. Правда, он длинный, так что это будет не скоро.

Цзичун проводил его до двери.

— Спасибо тебе огромное, — прошептал Янь Жань, уже стоя на пороге.

— Да пустяки, — улыбнулся тот. — Сборник и правда сложный. Знаешь, что сделай? Спроси у ребят из обычных классов, по каким пособиям занимаются они. Купи их, набей руку на простых примерах, а потом наши задачи пойдут куда легче.

Янь Жань энергично закивал. Спускаясь по лестнице, он обернулся, чтобы ещё раз взглянуть на друга, и едва не кувыркнулся вниз.

— Осторожнее! — крикнул Сяо Цзичун, выбегая на площадку. — Смотри под ноги!

На душе у Янь Жана было одновременно и тяжело, и удивительно легко. Ему было стыдно, что

он стал обузой, но в то же время сердце согревала мысль: «Кажется, я для него всё-таки особенный».

Он не знал, что именно чувствует к нему Сяо Цзичун, но видел это особое отношение. В классе многие пытались заговорить с Цзичуном или обсудить книги, но тот почти всегда оставался холоден и сдержан. А с ним — нет.

Сяо Цзичун запер дверь и уже собирался идти спать, когда из своей комнаты вышел отец.

— Почему так долго? — недовольно спросил Папа Сяо. — Уже за полночь!

— Я очень устал, пап. Пойду лягу.

— Нельзя позволять ему так распоряжаться твоим временем! — не унимался Сяо Цзинжэнь. — Тебе нужно выспаться. Я поговорю с его родителями, пусть наймут ему репетитора.

Оказалось, отец и не думал спать. Более того, он наверняка подслушивал их разговор под дверью.

Цзичун почувствовал, как в нём закипает раздражение.

— Ты что, шпионил за нами?

— Да вы говорили не шепотом, — огрызнулся отец. — Как тут не услышать? К тому же, я за сына беспокоюсь. Что в этом плохого?

— Одно дело — беспокоиться, и совсем другое — подслушивать чужие разговоры!

Отец на мгновение смутился. В их семье Сяо Цзичун никогда не был беспрекословно послушным ребёнком, а отец не давил на него авторитетом. Они стояли друг против друга в тишине коридора.

Наконец Папа Сяо сдался:

— Иди спать. Но чтобы это было в последний раз. Нельзя тратить на него столько времени.

— Если я буду слушать тебя, у меня вообще не останется друзей, — отрезал Цзичун. — Тех, с кем мне по-настоящему интересно.

— Можно найти друзей своего круга! — жестко парировал отец. — Из нашего класса, кого угодно.

— Ты ничего не понимаешь.

— Чего я не понимаю? — голос Сяо Цзинжэня стал серьезным. — У Янь Жэня за спиной деньги и связи. Как бы он ни учился, родители пристроят его на тёплое местечко. Если он не пустится во все тяжкие, как этот оболтус из семьи Цао, то всю жизнь проживёт припеваючи в каком-нибудь ведомстве. А у тебя какие цели? Если ты хочешь так же прозябать овощем, то мы с матерью мешать не будем — лишь бы законы не нарушал. Но пойми: вы с ним люди разного полёта.

Лицо Сяо Цзичуна помрачнело. Его глаза, обычно чистые и ясные, как озёрная гладь под солнцем, сейчас казались глубокими и холодными, точно дно колодца.

— Разного полёта... — повторил он. — Мы все люди. Одной породы. Чего ты от меня хочешь? Вам с мамой просто не нравятся его родители, вот вы и требуете от меня невозможного.

Сяо Цзинжэнь вспыхнул от гнева.

— Сяо Цзичун! Повтори-ка, что ты сказал? Я те сейчас дам...

— Я не из тех, кто повторяет дважды, — холодно бросил сын. — Если тебе нужно слышать это дважды, значит, ты потерял самообладание.

— Ах ты...

Отец в изумлении уставился на сына, а тот спокойно выдержал его взгляд.

— Сказал бы ты это матери, — выдохнул наконец Папа Сяо. — Посмотрел бы я тогда на твою смелость.

Цзичун нахмурился. Он знал, что отцу нечего возразить, но мать наверняка заняла бы ту же позицию: Янь Жэнь ему не пара.

Заметив, что сын притих, отец смягчился:

— Раньше вы ведь почти не общались. С чего вдруг такая дружба?

Сяо Цзичун взялся за ручку двери своей комнаты.

— Не знаю, — тихо сказал он.

Отец вздохнул:

— Может, попросить Хао Янь пересадить тебя? Подальше от него.

Сяо Цзичун покачал головой.

— Ты не понимаешь. Янь Жань — очень хороший человек. В этом мире любой может ударить меня в спину. Но только не он.

Отец только горько усмехнулся:

— Тоже мне, мафиози нашелся.

— Раз ты не воспринимаешь мои слова всерьёз, то и говорить больше не о чем, — отрезал Цзичун. — Я спать.

Он зашёл к себе и громко захлопнул дверь. Сяо Цзинжэнь так и остался стоять в коридоре. В ту ночь он долго не мог уснуть, а наутро с тяжёлой головой побрёл на кухню готовить сыну завтрак.

<http://bllate.org/book/17500/1659460>